

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 1, 2020

EASTERN ANALYTICS

Issue 1, 2020

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies

EASTERN ANALYTICS

Issue 1, 2020

Moscow
2020

Российская Академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 1, 2020

Москва
2020

Редакция

В. В. Наумкин
(главный редактор)
В. Я. Белокреницкий
(зам. главного редактора)
А. В. Акимов
Н. Ю. Ульченко
И. В. Федулов

Члены редколлегии

А. К. Аликберов
А. Д. Васильев
А. В. Воронцов
А. Д. Воскресенский
А. С. Железняков
И. Д. Звягельская
В. А. Исаев
В. А. Кузнецов
С. Г. Лузянин
Н. М. Мамедова
Д. В. Мосяков
С. А. Панарин
Д. В. Стрельцов
Т. Л. Шаумян

Ответственный редактор выпуска — А. В. Акимов
Редактор статей на русском языке — Е. Ф. Щепилова

Электронная версия в полном объеме доступна по адресу:
<http://ivran.ru/vostochnaya-analitika>

DOI: 10.31696/2227-5568-2020-01

© ФГБУН ИВ РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Борисов М. Г.
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД И ГЕОПОЛИТИКА 7

Додонов В. Ю.
ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ИНСТИТУТОВ НА ЗАРУБЕЖНЫХ ФИНАНСОВЫХ РЫНКАХ КАК
НОВЫЙ ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ КУРСА ТЕНГЕ 17

Кандалинцев В. Г.
АНАЛИЗ СООТНОСИТЕЛЬНОЙ ДИНАМИКИ ВВП И НВПИИ
НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ, ИНДИИ И ЯПОНИИ 34

Муранова А. П.
ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В НАЛОГОВОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ+ 45

Паксютов Г. Д.
ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ
КУЛЬТУРНЫМИ БЛАГАМИ 73

ПОЛИТИКА

Дауров Р. Д., Саженов Н. Д.
ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ И ОСОБЕННОСТЯХ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО АФГАНИСТАНА 80

Дауров Р. Д., Саженов Н. Д.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСЛАМСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ
В ОБРАЗОВАНИИ: ПОВЕСТКА ДЛЯ РОССИИ 91

Сотников В. И.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯДЕРНЫХ ДОКТРИН ИНДИИ
И ПАКИСТАНА 98

<i>Фазельянов Э. М.</i> ГЛОБАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	110
---	-----

CONTENTS

ECONOMICS

<i>Borisov M. G.</i> ENERGY TRANSITION AND GEOPOLITICS	125
---	-----

POLITICS

<i>Fazelianov E. M.</i> GLOBAL ENERGY SECURITY	134
---	-----

Дауров Р. Д., Саженов Н. Д.*

ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ И ОСОБЕННОСТЯХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО АФГАНИСТАНА

Ramazan D. Daurov, Nickolay D. Sazhenov**

ON GENERAL PRINCIPLES AND CHARACTERISTICS OF MODERN AFGHANISTAN'S STRATEGY OF FOREIGN POLICY

DOI: 10.31696/2227-5568-2020-01-080-090

Аннотация: Более 40 лет Афганистан остается очагом нестабильности на Среднем Востоке, а проблематика урегулирования внутриафганского конфликта давно вышла на международный уровень. Вмешательство сил НАТО в 2001 году и отстранение от власти движения «Талибан» привели к формированию новой политической системы Афганистана, в результате чего была выработана и соответствующая внешнеполитическая линия. В статье анализируются концептуальные подходы афганского руководства к внешней политике после 2001 года, а также практические шаги страны на международной арене. Особое внимание уделяется периоду с 2014 года, когда президентом страны был избран Ашраф Гани. Внешнеполитическая линия Афганистана также представляет интерес в контексте сохранения в афганском обществе неформальных институтов и традиционных отношений, основанных на родоплеменном и патронатно-клиентельном взаимодействии. Сохраняется и заметный раскол общества по этноконфессиональному признаку.

Авторы приходят к выводу о взаимосвязанности внешнеполитической линии Афганистана с теми условиями, в которых страна оказалась после 2001 года – несмотря на быстрый разгром силами НАТО, талибы довольно быстро вернулись в политическое пространство Афганистана и сейчас ведут боевые действия против правительства, оспаривая его легитимность. На фоне нестабильности в стране афганское правительство оказалось в ситуации дефицита внутренних ресурсов и в определенной степени удерживается и развивается за счет получения траншей безвозмездной иностранной финансовой помощи. Эти факторы обуславливают ориентацию афганской внешней политики на страны Запада, в первую очередь на США, которые являются основным провайдером донорской помощи Афганистану и наиболее активным внешним игроком в Афганистане.

Ключевые слова: внешняя политика Афганистана, нейтралитет, США, иностранная помощь, Линия Дюранда, патронатно-клиентельная система.

Abstract: Afghanistan has remained an area of instability in Asia for more than 40 years and the issue of the conflict settlement has reached the international level. The NATO

* Дауров Рамазан Джагафарович – к.и.н., в.н.с. ЦИС БСВ, зав. сектором Афганистана ИВ РАН; e-mail: ramzes8888@gmail.com.

Саженов Николай Дмитриевич – м.н.с. ЦИС БСВ ИВ РАН; e-mail: sazhenov.n.d@my.mgimo.ru.

** Ramazan D. Daurov – PhD (History), Leading Researcher, Head of Afghanistan Department of IOS RAS; e-mail: ramzes8888@gmail.com.

Nickolay D. Sazhenov – junior researcher IOS RAS; e-mail: sazhenov.n.d@my.mgimo.ru.

operation in 2001 and the removal of the Taliban Government led to creation a new political system in Afghanistan and elaboration of a relevant foreign policy. The article analyzes conceptual approaches of the Afghan government after 2001 and its practical realization in the context of the remaining tribalism, clientelism, ethnic and sectarian division in Afghan society. The authors conclude that the current foreign policy of Afghanistan is caused by and interlinked with the internal conditions, which are inherent in Afghanistan's modern political system. For instance, the authors mean the Taliban revival and a chronic dependence of Afghanistan on foreign aid. These factors determine the priorities of the foreign policy, which is guided by the primacy of cooperation with the Western countries.

Keywords: Afghanistan's foreign policy, neutrality, USA, foreign aid, Durand Line, clientelism.

Современный Афганистан представляет собой причудливый сплав политической системы, обладающей всеми формальными атрибутами демократического государства и характеризующейся сложной и разветвленной структурой, и глубоко архаичного общества, сохранившего сложную мозаику родоплеменных отношений. Все это не могло не наложить отпечаток на восприятие Афганистана его политическими элитами в системе международных отношений. Разбору восприятия национальной идентичности Афганистана его субъектами принятия политических решений в совокупности с определенными шагами страны на внешнеполитической арене и будет посвящена настоящая статья.

* * *

На протяжении XX века Афганистан достаточно последовательно придерживался политики нейтралитета, не вмешиваясь в вооруженные конфликты за его пределами. Страна избежала участия в обеих мировых войнах, притом, что на момент начала Первой мировой войны Афганистан еще не обрел полной независимости. Проведение политики нейтралитета связывалось и с материальными выгодами для афганских элит – так, во время Первой Мировой войны эмир Хабибулла получал субсидию за лояльность Великобритании в размере 1800 тысяч рупий¹.

Как представляется, на становление афганского нейтралитета оказало влияние позиционирование Афганистана во второй половине XIX века как буферной зоны между Российской империей и Великобританией, которые в этот период осуществляли колониальную экспансию в Центральной и Южной Азии соответственно.

С конца XIX века Афганистан имел общие границы с Россией и Британской Индией, что влекло за собой лавирование между двумя центрами силами во внешней политике, которое стало особенно заметно после получения Афганистаном полной независимости в 1919 году. С 1879 года

¹ Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М., 2004. С. 54.

Афганистан по нормам Гандамакского договора с Великобританией де-юре был лишен возможности проводить самостоятельную внешнюю политику и ориентировался на Британскую Индию. Впрочем, ее контроль над Афганистаном также был номинальным.

Юридическое оформление принципа нейтралитета во внешней политике Афганистана нашло отражение в Договоре о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном, заключенном в 1926 году и впоследствии неоднократно продлевавшемуся.

Во время Второй мировой войны Афганистан также заявлял о своем нейтралитете, несмотря на попытки гитлеровской Германии склонить страну на сторону Оси². В послевоенное время Афганистан также последовательно придерживался политики нейтралитета, избегая поддержки какой-либо стороны в международном конфликте и не вступая в военно-политические блоки, формировавшиеся в биполярный период в Азии. В отношениях с мировыми центрами силы в период «холодной войны» (в первую очередь, США и СССР) Афганистан до Саурской революции также придерживался политики лавирования, поддерживая контакты и принимая помощь от обеих сторон, но при этом не поддерживая открыто какую-либо из них.

В определенном смысле отход от внешнеполитической линии нейтралитета как лавирования между центрами силы в мировой политике и неприсоединения произошел в 1978 году с приходом к власти просоветской Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), которая ориентировалась на Советский Союз как на партнера и донора.

Аналогично с 2001 года правительство Афганистана ориентируется на коллективный Запад как на основного донора национальной экономики страны, при этом являясь членом Движения неприсоединения. Следует оговориться, что Афганистан в полной мере не соответствует характеристикам нейтрального государства, поскольку территория таких стран не может быть использована для военных действий и/или в военных целях³, однако на территории Афганистана уже более 40 лет, сначала советскими войсками, а впоследствии и силами НАТО, ведутся боевые действия. В соответствующие периоды времени в Афганистане дислоцировались и их военные базы.

Официально статус Афганистана как полностью нейтрального государства (по типу Швейцарии или Туркменистана) не был закреплен (хотя предложения о фиксации нейтрального статуса Афганистана выдвигались как внешними акторами, так и афганскими элитами)⁴, нейтралитет страны воспринимался как неприсоединение к какому-либо центру силы.

В современном Афганистане отсутствуют какие-либо установочные или концептуальные документы о принципах и основных направлениях

² См. в частности: Булатов Ю.А. Срыв гитлеровского «блицкрига» в Центральной Азии: противостояние Германии и СССР на «афганском плацдарме» // Военно-исторический журнал. 2013. № 7. С. 36–42.

³ Шумилов В.М. Международное право: Учебник для бакалавриата вузов. 2-е изд., перераб. М., 2012. С. 211.

⁴ Andisha Nasir A. Neutrality in Afghanistan's Foreign Policy. United States Institute of Peace, Special Report 360, March 2015. P. 4–5.

внешнеполитической деятельности страны, равно как и внятные попытки сформулировать единое восприятие Афганистана на мировой арене на основе национальной философии и/или государственной идентичности. Определенные рамки внешней политики страны очерчены в конституции Афганистана, хотя и они весьма условны и пространны, так, например, статья 8 Конституции Афганистана гласит, что «Правительство Афганистана реализует внешнюю политику страны на основе сохранения независимости, национальных интересов, принципов территориальной целостности и невмешательства, добрососедства, взаимоуважения и равноправия»⁵.

Подобные тезисы не позволяют делать более точные выводы о внешнеполитических приоритетах страны, методах по их реализации и об афганских взглядах на мироустройство. Это, в первую очередь, связано с необходимостью «сопряжения» внешнеполитической деятельности Кабула с часто меняющимися политическими стратегиями Вашингтона, подчас в ущерб своим реальным интересам.

Высказывания представителей политической элиты страны представляют больший интерес, поскольку содержат определенную конкретику о подходах афганской стороны к реализации внешнеполитического курса страны. При нынешней администрации президента Ашрафа Гани аналитическую ценность представляет его концепция выделения пяти «зон сотрудничества» для Афганистана, озвученная в его инаугурационной речи в 2014 году:

1. Шесть стран-соседей Афганистана;
2. Страны исламского мира;
3. Северная Америка, Европа, Япония и Австралия (государства НАТО и прочие члены международной миссии в Афганистане);
4. Азия (Восточная и Юго-Восточная);
5. Международные организации, в том числе, содействующие развитию, а также прочие неправительственные организации⁶.

Как видно из концепции, Россия в число внешнеполитических приоритетов Афганистана не входит.

В целом, выделение именно этих зон сотрудничества объяснимо с точки зрения попыток афганского руководства заручиться поддержкой основных своих международных спонсоров и основных региональных игроков, учитывая постепенное смещение центра тяжести внутриафганского конфликта на региональный уровень. Во многом, так подход обуславливает и низкий профиль Афганистана в международных форматах – помимо ООН

⁵ Конституция Афганистана [Электронный ресурс] / President.gov.af [Official page]. URL: <http://president.gov.af/fa/%d9%82%d8%a7%d9%86%d9%88%d9%86-%d8%a7%d8%b3%d8%a7%d8%b3%db%8c/> (дата обращения: 20.10.2019).

⁶ Ahdaf, estatezhi wa saxtor-e tasmimgiri dar seyasat-e xariji-e Afghanistan; az manzar-e qanun-e asosi wa rais jumhur Mohammad Ashraf Ghani [Electronic resource] / Reyasat-e omumi-e Daftar-e oli-e reyasat-e jumhuri. URL: https://ocs.gov.af/dr/article_details/52 (accessed 19.10.2019).

и ее органов, Афганистан является полноправным членом только в СААРК⁷, которая сейчас практически не функционирует, и в Движении неприсоединения – консультативном объединении стран третьего мира. В ШОС Афганистан имеет лишь статус наблюдателя.

Основными донорами экономики Афганистана на современном этапе из данного списка являются страны Запада, из которых только США с 2002 года предоставили Афганистану средства на сумму более 126 млрд долл.⁸ При этом критика афганского правительства из-за неэффективного расходования иностранной помощи появилась еще во время второго президентского срока Хамида Карзая (2009–2014 гг.), поэтому можно предположить, что путем углубленного приоритетного сотрудничества со странами-соседями администрация президента Гани стремится не только следовать принципу добрососедства в своей внешней политике, но и заручиться хотя бы моральной их поддержкой в борьбе с нестабильностью на территории страны.

Роль соседей важна и для внутренней политики, так как на территории Афганистана проживают этнические меньшинства, связанные этническими узами с некоторыми его странами-соседями – туркмены, узбеки и таджики, а также шииты-хазарейцы, пользующиеся поддержкой Ирана.

Традиционно непростые отношения у Афганистана сохраняются с его южным соседом – Пакистаном, которого афганская сторона обвиняет в финансировании повстанческой группировки «Движение Талибан», которая пытается вооруженным путем осуществить альтернативный проект государственного устройства Афганистана на основе идеологии исламского фундаментализма и выступает категорически против иностранного присутствия на территории страны.

Неурегулированными остаются и вопросы границы между двумя странами, установленной в 1893 году по «Линии Дюранда» и закрепленной в соответствующем договоре между Афганистаном и Британской Индией. Афганская сторона не признает ее законной границей, в том числе и потому, что данная граница юридически закрепила отторжение от Афганистана ранее (до второй половины XIX века) принадлежащих ему городов Кветта и Пешавар. Применительно к Линии Дюранда в афганских СМИ и даже в научных кругах часто употребляется словосочетание «навязанная граница»⁹.

Учитывая внутреннюю нестабильность в стране и существенную ограниченность ресурсов афганских элит, постталибский Афганистан (имеется в виду разгром сил талибов и свержение их правительства силами международной коалиции в 2001 году с последующим переходным процессом и формированием новой политической системы) превратился в хронического

⁷ Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (прим.авт.).

⁸ Thomas C. Afghanistan: Background and US Policy in Brief. Congressional Research Service, August 3, 2018. P. 1.

⁹ Xatt-e Durand [Electronic resource] / Daneshnoma-e Aryana. URL: http://database-aryana-encyclopaedia.blogspot.ru/2008/10/blog-post_6977.html (дата обращения: 19.08.2019).

реципиента иностранной финансовой помощи. Его уязвимое положение и зависимость от притоков иностранной финансовой помощи обуславливают его международное положение не только в качестве самостоятельного субъекта внешнеполитической деятельности, но и в качестве объекта внешней политики иных, более ресурсных государств.

Внешнеполитическое направление, нацеленное на сотрудничество с государствами-донорами, воспринимается афганскими элитами не только как критически важное для выживания нынешнего режима, но и как средство добывания ресурсов с последующим перераспределением, а значит, как средство обеспечения собственной легитимности и удержания власти. В качестве повода для выделения новых объемов финансовой помощи афганскими элитами используется угроза переноса хаоса и внутренней нестабильности не только на территорию соседних государств, но и стран-доноров.

В политической социологии мотивировка действий субъектов принятия политических решений объясняется через их социальные роли, в рамках которых акторы и действуют. Однако следовало бы уточнить данный момент: говоря языком математики, политические акторы стремятся к максимализации своей целевой функции, то есть, стремятся извлечь максимальную выгоду от реализации тех или иных политических решений. Впрочем, выгода для одного актора национальной политической системы часто сопряжена с ущербом для другого подобного актора (принцип «Выигрыш-Проигрыш» («Win-Lose»)), что характерно для «игры с нулевой суммой», однако в идеале они стремятся к выигрышу для всех участников политических отношений (по принципу «Win-Win»).

То есть, перенося эту модель на реалии современного Афганистана, стоит отметить, что ради максимизации своей выгоды афганские элиты вынуждены заниматься так называемой «торговлей страхом» или «торговлей безопасностью» с целью привлечения наибольших возможных объемов иностранной помощи в экономическую систему страны.

Собственных ресурсов на восстановление у одной из беднейших стран мира по абсолютным показателям (в 2018 году совокупный ВВП по текущим ценам составил всего 19,363 млрд долл. США, при валовом национальном доходе на душу населения в 550 долларов¹⁰) попросту нет. В особенности манипулирование на основе «торговли страхом» в Афганистане активизировалось с 2010 года, когда проблематика обеспечения безопасности и создания боеспособной армии в Афганистане вытеснила вопросы восстановления инфраструктуры в качестве основной повестки международных конференций по Афганистану. К 2010 году также появились планы миссии НАТО по постепенному сокращению численности личного состава в Афганистане вплоть до полного вывода. Ответственность за обеспечение

¹⁰ Afghanistan Data [Electronic resource] / World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/country/afghanistan> (дата обращения: 15.11.2019).

безопасности в стране возлагалась на афганские национальные силы безопасности (АНСБ).

Вплоть до настоящего момента государства-доноры продолжают выделение средств Афганистану. Это означает, что внешнюю политику страны в отношении коллективного Запада, в целом, можно назвать успешной, поскольку цель привлечения иностранной помощи в экономику страны выполняется. Впрочем, как представляется, такая ситуация в определенной мере выгодна и странам НАТО, для которых внутренняя нестабильность в Афганистане служит поводом сохранять свое присутствие в регионе, пусть и номинальное.

При этом по сложным и не подразумевающим быстрого и окончательного решения вопросам (международный терроризм, наркотрафик) Афганистан на современном этапе предпочитает дистанцироваться от принятия на себя основной ответственности, перекладывая ее на плечи представителей международного сообщества и, в определенной степени, сохраняя в определенной степени свободу рук в этих вопросах.

О влиянии неформальных институтов на внешнюю политику Афганистана

В Афганистане за фасадом современной политической системы скрывается целый пласт неформальных институтов, который менее заметен внешнему наблюдателю, но при этом он задает дополнительные параметры национальной политической системы, оказывая существенное влияние на характер политических процессов в стране и взаимодействие между элементами политической системы. К подобным неформальным институтам в Афганистане относятся в первую очередь обычное право (адат), клановые и племенные отношения.

Но каким образом традиционные отношения влияют на внешнюю политику Афганистана? Как представляется, ответ следует искать в самой структуре и специфике афганского общества. Оно сохранило черты родоплеменного деления в сочетании с патронатно-клиентельной системой.

Для обозначения подобной системы используется термин «кау́м». Отечественный востоковед-афганист Ю.П. Лалетин, говоря о «кау́ме» как специфической структуре социальных отношений, утверждает, что в рамках «кау́ма» существенную роль играет также и фигура его лидера – хана: «В качестве хана «кау́м» воспримет лишь того, чьи предки были ханами. Но этим дело не ограничивается. Помимо генеалогии властные отношения основаны также на патронаже, когда престиж и власть пропорциональны распределяемому личному богатству»¹¹.

Без сомнения, Афганистан, несмотря на нахождение на своей территории иностранных воинских контингентов и выстраивания институтов

¹¹ Лалетин Ю.П. Племя и государство в Афганистане: идеальный тип (модель) политсистемы ряда стран Западной Азии. М., 2008. С. 16.

национальной политической системы по образцу западных стран, сущностно относится к незападным образцам. В классическом понимании для них характерны такие фундаментальные принципы, как патернализм, предсказуемость социального поведения, определение статуса человека в обществе благодаря «служебному усердию», а не личному успеху, коллективизм, ориентация на духовные, а не материальные ценности¹². И в западных обществах господствуют два основополагающих принципа: власть равна собственности и власть порождает в первую очередь права, а не обязанности.

Рассматривая ситуацию в Афганистане, следует делать поправку на то, что реальность внутри страны несколько отличается от описанных критериев западных обществ. В Афганистане, сохранившем родоплеменное деление, государство никогда не было сильным и до сих пор сохраняет черты конгломерата племен. Даже исторически афганское государство возникло в результате консенсуса между племенными лидерами о создании государства, что стало своего рода формой общественного договора. Племена, имевшие собственные структуры управления, не нуждались в государственной власти и нигилистически относились к границам, особенно там, где они слабо контролировались. Поэтому в Афганистане не сложилось сакрализованное восприятие государственности, схожее с «семейной» моделью (отцовская власть и покорность детей). В политической системе страны государственная власть сосуществует с племенной как бы в параллельных плоскостях. Среди основной массы населения, в нынешних условиях перманентной внутренней нестабильности озабоченной лишь собственным выживанием, попытки центральной власти в Кабуле предложить какой-либо универсальный концепт взгляда на мироустройство сквозь призму «национальной философии» не находят широкого отклика.

Как представляется, внешнеполитическая линия Афганистана в отношении стран Запада, преследующая цели привлечения максимально возможных объемов средств, есть не что иное, как проекция патронатно-клиентальных отношений, распространенных в социальных общностях, на международный уровень.

Афганские элиты, проходившие этапы становления и борьбы за власть в рамках патронатно-клиентальной системы в сочетании с племенным делением, выносят принципы первой и во внешнеполитическую сферу. Будучи слабым государством с крайне ограниченной ресурсной базой невысокой ролью в системе международных отношений, Афганистан таким образом стремится к закреплению патронатно-клиентальных отношений с более сильными государствами, способными, как «патрон», обращать внимание на потребности Афганистана, распределять ресурсы внутри него, выступать беспристрастным арбитром при разрешении внутренних споров.

¹² Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: Науч.-метод. комплекс / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2011. С. 31–33.

Клиент получает возможность через более сильного и ресурсного патрона реализовывать свои интересы, хотя он и не пользуется благами патрона безвозмездно. Как правило, взамен предоставляется лояльность, поскольку клиент редко обладает существенными объемами ресурсов, интересных патрону, однако бывают и исключения. То есть, складывается относительно устойчивый и взаимовыгодный симбиоз между «вышестоящим» и «нижестоящим»; впрочем, негласный договор патронажа может быть расторгнут в том случае, если одна из сторон находит более выгодный для себя вариант патронажа или клиентелы.

Безусловно, специфика взаимодействия этнических факторов на международной арене существенно отличается от внутрисистемных и уж тем более внутриплеменных отношений, однако признаки патронатно-клиентельного взаимодействия в Афганистане проявляются довольно ярко.

В восприятии афганских элит коллективный Запад (прежде всего, страны НАТО), как представляется, является таким «патроном». Таким образом, в современном Афганистане (после 2001 года) сложилась парадоксальная ситуация, при которой нынешняя политическая элита в масштабах страны является патроном в масштабах страны, но клиентом в мирополитическом масштабе.

Существенную роль во взаимодействии населения страны играют и этнические противоречия, единства нет даже среди доминирующего пуштунского этноса, внутри которого конкурируют два крупных конгломерата племен – абдали (дуррани) и гильзай. Лишь в одном случае можно ожидать политическую мобилизацию населения объединительного характера – в случае внешнего вооруженного вмешательства в дела Афганистана, как это было в случае с Великобританией в XIX веке, с СССР в XX веке и с силами НАТО в нынешнем столетии. Против иностранного присутствия на территории Афганистана объединялись племена и этносы, еще недавно враждовавшие друг с другом. И если система трижды повела себя одинаково в схожих ситуациях, можно предположить ее подобную же реакцию и в будущем.

Определенный отпечаток на характер взаимодействия в политической системе Афганистана накладывает уже упомянутый внутренний этнический конфликт по поводу власти и распределения ресурсов. Исторически в Афганистане пуштуны составляли большинство населения и являлись носителями государственной власти, которая лишь 5 лет находилась в руках таджиков Бачаи Сакао и Бурхануддина Раббани.

Однако в настоящий момент пуштуны не составляют подавляющего большинства населения, по подсчетам известного российского востоковеда В.Я. Белокреницкого в 2010 году их доля в населении Афганистана составляла около 42%¹³. Нет единства и среди них, где конкурируют два крупных

¹³ Белокреницкий В. Я. Грани пуштунской цивилизации [Электронный ресурс] / Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/18905.html> (дата обращения: 20.09.2019 г.).

конгломерата племен – дуррани, находившиеся исторически в более привилегированном положении, и гильзай.

Различные роли в политической системе страны сформировали различные типы политической культуры среди пуштунского и непуштунских этносов в Афганистане (под политической культурой понимается «совокупность типичных для конкретной страны образцов поведения людей в публичной сфере, воплощающих их ценностные представления о смысле и целях развития мира политики и поддерживающих устоявшиеся нормы и традиции взаимоотношений государства и общества»¹⁴).

В условиях многонационального государства не приходится говорить и о сформировавшейся общеафганской идентичности, а прилагательное «афганский» чаще всего применяется к пуштунам, а не к наднациональной общности народов Афганистана. Одним из разломов современной политической системы страны являются бескомпромиссные споры об общеафганской идентичности, которая на данный момент все еще находится в стадии формирования.

В современном мире взаимосвязанность внутренней и внешней политики не подвергается сомнению и является, по сути, аксиомой. Не является исключением и Афганистан, в котором на основные направления внешней политики в той или иной степени оказывают влияние и внутривнутриполитические факторы, в том числе неформальные институты, входящие в его политическую систему.

Литература/References

1. Белокреницкий В.Я. Грани пуштунской цивилизации [Электронный ресурс] / Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/18905.html>.
2. Булатов Ю.А. Срыв гитлеровского «блицкрига» в Центральной Азии: противостояние Германии и СССР на «афганском плацдарме» / Ю.А. Булатов // Военно-исторический журнал. 2013. № 7. С. 36–42.
3. Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: Науч.-метод. комплекс / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011. 685 с.
4. Категории политической науки. М: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 656 с.
5. Конституция Афганистана [Электронный ресурс] / President.gov.af [Official page]. URL: <http://president.gov.af/fa/%d9%82%d8%a7%d9%86%d9%88%d9%86-%d8%a7%d8%b3%d8%a7%d8%b3%db%8c/>.

¹⁴ Категории политической науки. М., 2002. С. 490.

6. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век / В.Г. Коргун. М.: ИВ РАН: Крафт+, акад. наук. Ин-т Востоковедения, 2004. 529 с.
7. Лалетин Ю.П. Племя и государство в Афганистане: идеальный тип (модель) политсистемы ряда стран Западной Азии. Москва, 2008. 106 с.
8. Шумилов В.М. Международное право: Учебник для бакалавриата вузов. 2-е изд., перераб. М.: Междунар. отношения, 2012. 529 с.
9. Afghanistan Data [Electronic resource] / World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/country/afghanistan> (на англ. языке).
10. Ahdaf, estatezhi wa saxtor-e tasmimgiri dar seyasat-e xaraji-e Afghanistan; az manzar-e qanun-e asosi wa rais jumhur Mohammad Ashraf Ghani [Electronic resource] / Reyasat-e omumi-e Daftar-e oli-e reyasat-e jumhuri. URL: https://ocs.gov.af/dr/article_details/52 (на перс. языке).
11. Andisha Nasir A. Neutrality in Afghanistan's Foreign Policy. United States Institute of Peace, Special Report 360, March 2015. 15 p. (на англ. языке).
12. Thomas C. Afghanistan: Background and US Policy in Brief. Congressional Research Service, August 3, 2018. 14p. (на англ. языке).
13. Xatt-e Durand [Electronic resource] / Daneshnoma-e Aryana. URL: http://database-aryana-encyclopaedia.blogspot.ru/2008/10/blog-post_6977.html (на перс. языке).